
DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01

УДК 327+94

СИРИЙСКО-ИРАНСКИЙ АЛЬЯНС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

АХМЕДОВ Владимир Муртазович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра исследования общих проблем современного Востока,
Институт востоковедения РАН.

E-mail: arabist@live.com

SPIN-код: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

Для цитирования: Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 7–34. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01.

Аннотация. В статье исследуется «феномен» сирийско-иранского альянса в контексте политики Ирана на Арабском Востоке. Целью данной работы является исследование эволюции сирийско-иранских отношений в условиях обострения борьбы за Ближний Восток на рубеже ХХ–XXI вв. Рассмотрены факторы влияния в арабо-иранских, ирано-сирийских отношениях на Ближнем Востоке. Особое вниманиеделено изучению наиболее важных аспектов политики Ирана в Сирии в процессе эволюции региональных, международных отношений и трансформации политики Исламской Республики Иран (ИРИ) на Ближнем Востоке. В рамках системного подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли исторического наследия арабо-иранских отношений в политике Ирана в Сирии. Автор показывает роль силовых структур Ирана и шиитских милиций в сирийском кризисе. Проведен анализ мотивов и факторов вооруженного вмешательства ИРИ в Сирийской Арабской Республике (САР). Изучены особенности иранской вооруженной операции в Сирии. Рассмотрен характер взаимодействия ИРИ с властями Дамаска, природа взаимодействия регулярных иранских сил и специальных войск с милицейскими формированиями. Особое вниманиеделено роли этнических и религиозных факторов в проведениивойсковой операции ИРИ в САР. Проанализировано влияние войны в Газе на Сирию в контексте ирано-израильского противостояния на Ближнем Востоке. Изложенные

выше положения объясняют причину избрания автором указанной темы исследования. С учетом исключительного характера сирийско-иранского альянса, представленная статья вносит несомненный научный вклад в изучение политики ИРИ в регионе и дает представление о поведенческой модели Ирана в кризисных условиях на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Иран, сирийский кризис, Ближний Восток, шиитские милиции, Израиль, арабы.

Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in Middle East

Vladimir M. AKHMEDOV

PhD in History, Assistant Professor, Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: arabist@live.com

SPIN-code: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

For citation: Akhmedov V.M. (2024). Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 7–34. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01.

Abstract. The article examines a “phenomenon” of Syria-Iran alliance regards Iran's politics in the Middle East. Main research goal of this article focuses on studying the developments of Syria-Iran relations in view of the ongoing fights on Middle East on the brink of XX–XXI centuries. The influential factors that shaped Arab-Iranian interaction and Syria-Iran relations are studied. Main attention is paid to study most pronounced aspects of Iran's politics in the Syrian Arab Republic (SAR) regards the developments in international relations and changing Iranian policy in the Middle East. By adopting the historic approach, the author examines the role of Arab-Iran legacy in Iran's politics in Syria. The role of Iran's military and Shiites militias in Syrian crisis are shown. Given the analyses of Iran's imputes and motives in Syria, the author studies the specificity of Iran's military operation in this Arab country. The author observes the nature of Iran's interaction with Damascus's authorities as well as the character of cooperation between Iran's regular forces with paramilitary units. The role of sectarian factors in conducting Iran's policy in Syria is the subject of main author's attention. In context of Iran-Israel fighting on the Middle East, the author analyses how Gaza war affected Syria. Given unique nature of the Syria-Iran alliance, this article presents a valuable contribution to the studies on contemporary Iran's policy in the Middle East. The above-mentioned questions shape the urgency of pre-

sented research paper that investigates most of advanced statements and proves forwarded conclusions.

Keywords: Iran, Syrian crisis, Middle East, shiites militias, Israel, arabs.

Теоретические рамки исследования

В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов, посвященных кризису в Сирийской Арабской Республике (САР), политике Исламской Республики Иран (ИРИ) в Сирии и на Ближнем Востоке. Однако проблемы эволюции арабо-иранских отношений и внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса и вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке в рамках борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными.

В российской и западной ориенталистике существовало несколько подходов к оценке внешней политики Сирии и Ирана. Одни исследователи были склонны рассматривать политику Сирии в рамках реалистической модели, считая, что президент Х. аль-Асад вел борьбу за Ближний Восток. Другие полагали, что сирийская политика определялась авторитарным и сектантским характером правящего режима, который стремился отвлечь общественное внимание от внутренних проблем^{1,2,3,4}. Анализируя внешнюю политику ИРИ, ряд исследователей делали упор на идеологию как драйвер политики экспорта исламской революции и укрепления власти внутри страны. Другая точка зрения исходила из того, что внешняя политика ИРИ была продиктована государственными интересами и носила прагматичный характер^{5,6}.

¹ Pipes D. Greater Syria: The History of an Ambitions. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 115–193.

² Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 580 p.

³ Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 225 с.

⁴ Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.

⁵ Espozito J., Piscatory J. The Iranian Revolution: Its Global Impact. – Gainsville, Fla.: Florida International University Press, 1990. – P. 1–16.

⁶ Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан): сборник статей. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 552 с.

На деле внешняя политика государств гораздо чаще определяется национальными интересами, нежели характером правящего режима и внутриполитическими конфликтами. История Сирии 1963–1967 гг. свидетельствует, что приоритеты внутренней и внешней политики менялись вне зависимости друг от друга⁷. Правящие режимы в равной степени сталкивались с угрозой подрыва власти как изнутри, так и извне^{8,9}. Так, ирано-иракская война (1980–1988) и агрессия США в Ирак (2003) представляли угрозу для внутриполитической стабильности Сирии и Ирана. С другой стороны, внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства^{10,11}.

В условиях Ближнего Востока режимы, пришедшие к власти на волне радикальных, революционных движений, отдавали приоритет решению внутриполитических вопросов и проводили националистическую внешнюю политику как ответ на вызовы глобализации. В Сирии власть алавитского меньшинства легитимировалась на основе идей арабского национализма. Пришедший к власти в Иране в 1979 г. режим консолидировался на общеисламской и антиимпериалистической (Ни Восток, ни Запад) основе. Относительная слабость государства не всегда означала неспособность правящего режима к консолидации и проведению прагматичной внешней политики.

И Сирия, и Иран смогли преодолеть период внутренней нестабильности, реформировав систему управления, и показали способность к проведению независимой политики как ответ на

⁷ Пир-Будагова Э.П., Ахмедов В.М. Сирия // История Востока в новейший период (1945–2000 гг.) / ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – Москва: Вост. лит., 2008. – С. 196–205.

⁸ Мелкумян Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 317 с.

⁹ Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – 374 с.

¹⁰ Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.

¹¹ Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627.

внешние вызовы^{12,13}. В Сирии, как и в других странах с сильным правлением авторитарного типа, правящая элита смогла укрепить свою относительную самостоятельность в сфере внешней политики. В этом случае механизм принятия решений формировался на прагматичной основе. Для таких стран, как Иран, где правящая элита была не столь единой, была больше характерна политическая модель бюрократического типа, которая предполагала учет интересов различных политических сил в принятии внешнеполитических решений^{14,15}. В Сирии и Иране личностные особенности и идеологические ценности лидера оказывали большое влияние на характер внешней политики. В то же время это влияние было ограничено такими факторами, как и история и география^{16,17}.

Внешняя политика арабских стран и Ирана зависела от избранной модели государственного устройства, которая в свою очередь определялась господствующей идеологией и балансом интересов политических сил. В Сирии, где национализм обеспечивал легитимность власти, внутриполитическая стабильность в значительной мере зависела от националистически ориентированной внешней политики. В отличие от светского режима САР, в ИРИ политика содержала сильный компонент исламских ценностей и религиозных доктрина. И в том, и в другом случае сохранение долговременной стабильности предполагало соответствие внешнеполитического курса базовым национальным установкам,

¹² Dawisha A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy // Beyond Coercion: The Durability of the Arab State / ed. by Dawisha A., Zartman I.W. – London: Croom Helm, 1988. – P. 260–275.

¹³ Арабаджян А.З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX – XX вв.). – Москва: Наука, 1991. – 125 с.

¹⁴ Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка // Политическая элита Ближнего Востока. – Москва: ИИИиБВ, 2000. – С. 18–25.

¹⁵ Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 88–97.

¹⁶ Ramazani R.K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. – 400 p.

¹⁷ Maoz M. Hafiz al-Assad: A Political Profile // Jerusalem Quarterly. – 1978. – № 8. – P. 16–31.

которые служили легитимации власти. В Сирии это была светская идеология «баасизма», обслуживавшая интересы правящего алавитского меньшинства. В ИРИ носителями господствующей идеологии выступало духовенство, которое занимало господствующие позиции в руководстве страной^{18,19}.

В странах с неразвитой экономикой внешняя политика зачастую определялась задачами мобилизации ресурсов в интересах поддержки экономических основ государства. Богатая ресурсная база отчасти освобождала внешнюю политику от некоторых экономических ограничений. Однако зависимость экономического развития от нефти в качестве основного экспортного продукта делала политику государства уязвимой в условиях мировых экономических кризисов и колебаний мировых цен²⁰. Как в Сирии, так и в Иране режим использовал природные богатства для того, чтобы минимизировать экономические ограничения своей внешнеполитической деятельности и диверсифицировать свою экономическую зависимость. Оба государства не могли игнорировать необходимость экономических реформ, которые в конечном итоге вели к политической либерализации, и более гибкой внешней политики для того, чтобы обеспечить доступ к новым технологиям и ресурсам^{21,22}.

Для понимания характера сирийско-иранского альянса его следует рассматривать с позиций реализма. В этом случае такие признаки государства, как идеология и тип политического устройства не играют решающей роли по сравнению с соображениями

¹⁸ Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 169–189.

¹⁹ Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 576 p.

²⁰ Dessouki A.E.H. Dilemmas of Security and Development in the Arab World: Aspects of Linkage // The Many Faces of National Security in the Arab World / ed. by Korany B., Noble P., Brynen R. – New York: Macmillan, 1993. – P. 76–90.

²¹ Мамедова Н.М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 324 с.

²² Матвеев И.А. Политэкономия Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 392 с.

геополитики^{23,24}. Сирийско-иранский альянс был призван сбалансировать отношения Сирии и Ирана с рядом региональных государств. Для шахского Ирана союз с САР служил балансом в его отношениях с другими арабскими странами и позволял снизить зависимость от США. Союз с Ираном позволял Сирии выравнивать отношения с Ираком. В этом смысле сирийско-иранские отношения можно было рассматривать как фактор региональной стабильности^{25,26}.

Для исследования факторов влияния на характер арабо-иранского взаимодействия желательно также применить конструктивистский подход, согласно которому идентичность и идеология определяют средства, с помощью которых государства осознают свои интересы и вырабатывают параметры собственной безопасности^{27,28,29}. В то же время категории культуры и идентичности сами по себе не могут служить основными факторами, определяющими характер арабо-иранских отношений. В противном случае различия в отношениях Ирана с отдельными арабскими странами не удастся выявить в полной мере. Комплексный анализ отношений Ирана с арабскими странами невозможен без учета характеристик государств, влиявших на их поведение.

Изучение этих факторов предполагает использование системного подхода для анализа исторического опыта государств, их политической культуры, идеологии, демографии и ресурсной базы.

²³ Holsti K.J. Why Nations Realign: Foreign Policy restructuring in the Postwar World. – London: Allen&Unwin, 1982. – 238 p.

²⁴ Snyder G. The Security Dilemma in Alliance Politics // World Politics. – 1984. – № 36. – P. 461–495.

²⁵ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – 208 с.

²⁶ Hunter S.T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance // Iran and the Arab World / ed. by Amirahmadi H., Entessar N. – New York: St. Martin's Press, 1996. – P. 198–216.

²⁷ Waltz K. Theory of International Politics. – MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.

²⁸ Walt S.M. International relations; One World, Many Theories // Foreign Policy. – 1998. – № 110. – P. 29–46.

²⁹ Light M. Foreign Policy Analysis // Contemporary International Relations. A Guide / ed. by Groom A.J.R., Light M. – London: Print Publishers, 1994. – P. 93–99.

В этом случае можно выявить важные аспекты развития арабо-иранских отношений, поскольку государства всегда заботятся о сохранении баланса сил, будучи обеспокоены возможностью начала масштабного конфликта.

Таким образом, оптимальным методом исследования является синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений. Такой подход, адаптированный к ближневосточным реалиям, обеспечивает учет и анализ категорий внутренней политики отдельных стран в сочетании с показателями региональных систем.

Арабо-иранское наследие

Арабо-иранское историческое наследие по-прежнему влияет на политику Ирана на Ближнем Востоке. До начала арабских захватов Персии в 642 г. н.э. связи между арабами и персами отличались в целом конструктивным характером³⁰. Падение империи Сасанидов, арабизация и исламизация вызвали историческую травму в иранском обществе, отразившись в его политической культуре. Утверждение в XVI в. ислама шиитского толка в качестве государственной идеологии пробудило настроения соперничества у арабов, которые ревностно относились к своей пионерской роли в исламе. Расцвет национализма как основы государственного строительства в арабских странах и Иране обострил арабо-иранские отношения на основе этнических и религиозных различий двух народов³¹.

Современные модели национализма в арабских странах и Иране имели много общих черт, но отличались по ряду важных вопросов. Арабский национализм содержал сильный светский компонент и преследовал цель создания единого арабского государства. Иранская реакция на рост арабских национальных дви-

³⁰ Al-Duri A.A. Arab-Iranian relations: Historical Background // Arab-Iranian relations / ed. by Khair El-Din Haseeb. – Beirut: British Academic Press, 1998. – P. 3–18.

³¹ Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. – Cambridge: Cambridge University Press, 1966. – P. 99–102.

жений предопределила формирование этноцентричной модели иранского национализма. Она воплощала в себе стремление иранцев к обретению отличной от арабов идентичности и укреплению особой цивилизаторской роли Ирана в исламе. Иранские националисты рассматривали любое территориальное образование, население которого отдавало приоритет иранским культурно-языковым традициям в качестве «Иран замин» вне зависимости от характера отношений с правящим там режимом.

В то же время в Иране наблюдалась двойственность взаимоотношений ислама и национализма. Политика модернизации шахской династии Пехлеви (1925–1979) усилила атаки консервативного духовенства на сторонников национализма. Подобный подход значительно отличался от практики арабского национализма. В арабо-мусульманских странах ислам служил средством достижения национальных целей, а национализм помогал разрешению вопросов панисламизма³². Шиитский партикуляризм вызвал в арабской среде скептическое отношение к Ирану и его стремлению к monopolизации «исламской миссии». После исламской революции в Иране многие арабские страны обвинили Тегеран в попытках экспорта шиитского вероучения³³ под видом распространения идей иранской революции. Нападки арабов на Иран усиливали позиции иранских националистов. Так, иранский президент М. Ахмединежад (2005–2013) рассматривал Иран не только как территориальное и этническое образование. Он считал иранскую нацию духовным феноменом, воплощавшим культуру древних цивилизаций³⁴. Подобные взгляды формировали общественный запрос на развитие идеологии иранизма как альтернативы

³² Enayat H. Iran and the Arabs // Arab Nationalism and a Wider World / ed. by Haim S. – New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971. – P. 17–52.

³³ Подробнее о шиитских сектах и шиитском вероучении см.: Ах-Наубахти Х.М. Шиитские секты / пер. с арабского, исслед. и комментарии С.М. Прозорова. – Москва: Наука, 1973. – С. 44–46.

³⁴ Машай Б. Раскрывая роль Ахмединежада в приведении системы к революционным условиям в 1978 = Пардебардари-йе мешаи аз ма'мурият-е Ахмадинежад: расандан-е незам бе шарайет-е энгалаби сал-е 57 // Tabnak. – 20.01.2018. – Персид. яз. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/766109> (дата обращения: 13.12.2023).

исламизму. Процесс строительства национальных государств в Иране и арабских странах придал арабо-иранскому историческому соперничеству характер борьбы за национальную безопасность. Провал светского национального проекта на фоне расцвета исламизма менял природу власти в арабских странах и Иране и обрекал их социум на поиски новой идеологической идентичности.

Религиозные и этнические мотивы в политике Ирана на Ближнем Востоке ярко проявились в развитии ситуации в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене. В то же время этно-конфессиональный фактор не имел предопределяющего характера в развитии арабо-иранских отношений. Стремление к региональному лидерству, политическому доминированию и контролю над ресурсами зачастую оказывало куда большее влияние на ирано-арабское взаимодействие.

Арабская политика Тегерана

Исламская революция изменила иранскую политическую систему, краеугольным камнем которой стала выработанная шиитским духовенством концепция исламского правления на основе учения о «велаят-е факих». Таким образом, была создана новая государственная модель, сочетавшая принципы республиканского правления с исламским содержанием³⁵. Революционный Иран превратился в главный источник радикальных идей с сильным религиозным наполнением. Поддерживая негосударственные политические формирования на Ближнем Востоке, Тегеран проводил политику «экспорта исламской революции», стремясь установить в ближневосточных государствах схожую с ним исламскую систему правления³⁶. Политика экспорта революции потерпела провал в большинстве арабских стран. Исключением стал Ливан, где при помощи КСИР в 1982 г. была создана «Хизбалла», которая стала

³⁵ Hunter S.T. Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran // The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. ACMCU Occasional Paper. – 09.07.2014. – URL: https://issuu.com/georgetownsf/docs/shireen_hunter_iran_islam_and_th (дата обращения: 05.12.2023).

³⁶ Ramazani R.K. Iran's Export of the Revolution: Its Politics, Ends and Means // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies 13. – 1989. – № 1&2. – P. 69–87.

сильным союзником Ирана в борьбе за Левант и матрицей про-иранских вооруженных формирований.

К этому времени большинство арабских стран миновали стадию революционного развития. В большинстве арабских республик утвердились режимы светской направленности. После распада СССР на фоне растущего американского влияния арабские лидеры осознали бесперспективность достижения военной победы над Израилем и поддержали мирный процесс на Ближнем Востоке. Палестинская проблема стала постепенно терять свою политическую актуальность. Ряд арабских стран рассматривали иранскую поддержку «Исламского сопротивления» как угрозу своей безопасности.

После тяжелых потерь в войне с Ираком (1980–1988) Тегеран стал проводить гибкую политику в регионе. Иран стремился вырваться из международной изоляции и ослабить режим санкций. Власти ИРИ инициировали диалог цивилизаций в попытке получить доступ к западным технологиям и облегчить создание мирного атома. Одновременно большое внимание отводилось нормализации отношений с пограничными государствами³⁷. Договор о безопасности между КСА и ИРИ (апрель 2001 г.) стал первым шагом на пути создания новой системы безопасности в Персидском заливе.

Вторжение США в Ирак (2003) изменило баланс сил в регионе и создало угрозу национальной безопасности Ирана. Тегеран поддержал исламское сопротивление в Ираке как инструмент сдерживания американской гегемонии и экспансионистской активности Израиля на Ближнем Востоке. В 2006 г. Иран содействовал «Хизбалле» в противостоянии израильской агрессии на юге Ливана. В ходе волнений 2008–2009 гг. в Бейруте Тегеран укрепил позиции шиитских сил в ливанском руководстве и обеспечил поддержку ХАМАС во время войны в Газе зимой 2009 г.

Вызванные «арабской весной» изменения в регионе содействовали реализации стратегических задач иранской внешней политики на Ближнем Востоке. Возобновление ирано-египетских отношений знаменовало отход АРЕ от альянса «умеренных» арабских стран под патронажем США и ослабило антииранскую поли-

³⁷ Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. – 1994. – № 2. – P. 45–55.

тику арабских монархий Залива во главе с Саудовской Аравией. Однако события в Бахрейне 2011–2012 гг. показали, что Иран не дооценил потенциал арабской солидарности в вопросах защиты арабских региональных сфер влияния. Ввод вооруженных сил стран ССАГПЗ в Бахрейн серьезно осложнил отношения между Эр-Риядом и Тегераном.

Арабские восстания привели к расколу прежних союзов и заставили Тегеран пересмотреть ряд фундаментальных принципов своей внешней политики, провозглашенных в начале исламской революции³⁸. Тегеран принял новую стратегию на основе установок КСИР, согласно которым «Исламское Сопротивление» (ИС) служило краеугольным камнем иранской политики на Ближнем Востоке. Идеологическая модель КСИР как силы параллельной регулярной армии и прочно укорененной в структурах реальной власти, была взята за основу в процессе создания шиитских милиционных формирований³⁹. Используя внутриарабские разногласия, Иран смог добиться определенных политических результатов в обеспечении поддержки союзных ему арабских стран и шиитских общин в регионе. Однако напряженные отношения с США и его ближневосточными партнерами, тупик на переговорах по ядерной программе осложняли нормализацию арабо-иранских отношений и провоцировали новые конфликты, которые угрожали национальной безопасности Ирана.

Сирийско-иранский альянс

В 1945 г. Иран открыл свое консульство в Дамаске. Однако только после прихода к власти в САР Х. аль-Асада (1970) в сирийско-иранских отношениях наметился заметный прогресс. Союз между персидской исламской теократией и арабской светской рес-

³⁸ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – С. 68–113.

³⁹ Hamidreza A. Convergence and Continuity – Iran's Regional Policy under the Raisi Presidency // Friedrich Ebert Stiftung (FES). – 24.06.2021. – URL: <https://www.fes.de/en/referat-naher-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iran-elections/konvergenz-und-kontinuitaet-irans-regionalpolitik-unter-praesident-raissi> (дата обращения: 25.03.2023).

публикой рассматривался многими как нетипичный политический альянс (или мезальянс) на Ближнем Востоке. Однако сирийский и иранский лидеры разделяли общие политические взгляды, которые в условиях региональной конъюнктуры брали верх над их идеологическими предпочтениями. Дамаск и Тегеран пытались сдержать потенциальную угрозу со стороны соседнего Ирака и Турции, стремились сбалансировать влияние прозападного арабского блока (Египта, Саудовской Аравии), ограничить американское влияние на Ближнем Востоке⁴⁰.

Идеологическая близость и религиозная схожесть сирийской и иранской элит сыграли важную роль в развитии этого «нетипичного» альянса. Более 50 лет алавиты правят Сирией. Накануне кризиса 2011 г. сирийское общество было представлено четырьмя основными конфессиями и этносами – сунниты-арабы (65%), алавиты (10–12), курды (15) и христиане (5%)⁴¹. В результате специфического характера доктринальных установок, алавиты, несмотря на свою принадлежность к шиитской ветви ислама, постоянно испытывали трудности с легитимацией в доминирующем суннитском окружении. Со своей стороны, Иран добивался признания алавитов в качестве одной из шиитских сект. Действительно, только Иран как ведущая шиитская держава мог оградить сирийских алавитов от нападок со стороны их влиятельных религиозных оппонентов. В 1973 г. тесно связанный с Кумом (Иран) глава Высшего шиитского совета Ливана М. аль-Садр, издал фетву (религиозное предписание) о признании алавитов шиитами⁴². Влияние Ирана в Сирии заметно выросло после прихода к власти Б. аль-Асада в июне 2000 г. В отличие от руководителей ведущих сирийских органов безопасности, чей поведенческий стереотип во многом определялся конфессиональной

⁴⁰ Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. – Москва: Ключ-С, 2010. – С. 152–173.

⁴¹ Ахмедов В.М. Эволюция конфессиональной карты Сирии // Институт Ближнего Востока. – 02.04.2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=43139> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴² Hatem A. The Alawites: Religion, marginalization, and militarization conspire against them // Raseef22. – 26.05.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093385-the-alawites-religion-marginalization-and-militarization-conspire-against-them/> (дата обращения: 27.05.2023).

принадлежностью, Б. аль-Асад никогда не позиционировал себя как лидера алавитской общины⁴³. Несмотря на это, в Сирии участились случаи перехода в шиизм, особенно среди алавитов, которые стремились повысить свой социальный статус.

Продвинув представителей шиитских общин Сирии и Ливана к власти, Иран получил возможность укрепить свои политические и военные позиции в Леванте. Сирия была нужна Ирану по ряду причин. Благодаря усилиям Б. аль-Асада Тегеран смог сорвать создание под эгидой США антииранского фронта в регионе. Дамаск служил проводником иранской политики в Ливане, основной целью которой было укрепление позиций шиитской общины во главе с «Хизбаллой».

Пик иранского проникновения в Сирию пришелся на 2007–2009 гг. Именно в этот период Тегеран и Дамаск подписали серию взаимовыгодных военных и экономических контрактов, которые получили развитие в 2019–2022 гг.⁴⁴ Это позволило Ирану проникнуть практически во все институты сирийского государства. Тегеран стал играть возрастающую роль в сирийском обществе и оказывал выгодное ему влияние на умонастроения правящей сирийской элиты.

Предпринимавшиеся сирийско-иранским альянсом шаги на региональной арене не всегда носили сбалансированный характер. В 1980 г. Дамаск поддержал Иран в войне с Ираком, в то время, когда практически все арабские государства встали на сторону Багдада. Дамаск опасался, что в случае поражения Ирана, Багдад займет место регионального лидера и попытается избавиться от алавитского режима в Сирии⁴⁵. В то же время Иран расценивал сирийскую поддержку возглавляемой КСА интервенции на Бахрейн (2011) как признак усиливающейся слабости режима аль-

⁴³ Al-Youssef A. Enemies become allies. Alawites take on the unlikely Saudi-Syrian rapprochement // Raseef22. – 05.06.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093522-enemies-become-allies-alawites-take-on-the-unlikely-saudi-syrian-rapprochement> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴⁴ Akhmedov V.M. The Syrian Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition / ed. by Goldstone J.A. et al. – Heidelberg: Springer Nature Switzerland, 2022. – P. 19–45.

⁴⁵ Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkley: University of California Press, 1988. – P. 353–502.

Асада перед лицом господствующего регионального суннитского окружения.

Несмотря на это ирано-сирийский альянс существует уже более 50 лет и добился впечатляющих успехов на региональной арене.

Сирийское обострение

Восстание против режима аль-Асада в Сирии представляло реальную угрозу отношениям Дамаска с Тегераном⁴⁶. Иран сыграл большую роль в поддержке правящего в САР режима. С января 2012 г. Центральный банк Ирана открыл Дамаску многомиллиардовую кредитную линию. По мере расширения масштабов вооруженного противостояния и участия в нем джихадистских движений в результате мятежа «Исламского государства» (деятельность организации запрещена на территории России) Иран нарастил свое военное присутствие в САР. В Сирии сражались подразделения КСИР и регулярной иранской армии (Артеш) под командованием К. Сулеймани, который руководил обороной Дамаска и его пригородов⁴⁷.

Общая численность иранских военных в САР составляла немногим более 15 тыс. человек. Иран направил в Сирию бойцов ливанской «Хизбаллы» (10–14 тыс. человек) и шиитские милиции для поддержки сирийской армии, которая в результате серьезных потерь терпела поражения. К осени 2015 г. численность сирийской армии (САА) не превышала 100 тыс. против 300 тыс. в начале конфликта. Неудивительно, что сирийский режим контролировал не более 15–20% национальной территории. Сражавшаяся против аль-Асада Свободная сирийская армия (ССА) состояла в основном из дезертировавших сирийских офицеров. Ее общая численность не превышала 30–35 тыс. бойцов. Без поддержки вооруженной исламской оппозиции, в отрядах которой на рубеже 2014–2015 гг.

⁴⁶ Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.

⁴⁷ Детали операции КСИР на западных границах Ирана = Joz'eaat-e razmash-e sepeh-e pasdaran dar merzha-ye gharbi-ye keshwar // Tasnim. – 24.09.2017. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022).

сражалось 70–80 тыс. бойцов, ССА не могла противостоять правительенным войскам⁴⁸.

В конце 2015 г. Национальные силы обороны (НСО) и Местные силы обороны (МСО) представляли крупнейшие проиранские милиции Сирии. С 2013 г. Иран приступил к созданию МСО общей численностью в 50 тыс. человек⁴⁹. К концу 2021 г. в рядах шиитских милиций Сирии сражалось около 53 тыс. бойцов из Ирака, Афганистана и Пакистана⁵⁰. Численность афганской бригады аль-Фатимион составляла 10–20 тыс. человек⁵¹. По сравнению с аль-Фатимион численность пакистанской бригады аль-Зейнобион не превышала 2,5 тыс. бойцов⁵². В конце 2019 г. общая численность проиранских милиций в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, Афганистане и Пакистане составляла 250 тыс. бойцов⁵³.

Участие российских Военно-космических сил (ВКС) в сирийском конфликте с осени 2015 г. привело к изменению баланса сил. Менее чем за год размер подконтрольной правительству аль-Асада территории вырос до 35–40%. Под руководством военных советников из России и Ирана сирийский режим приступил к соз-

⁴⁸ Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – С. 210–222.

⁴⁹ Saban N. Fact box: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. – 05.11.2020. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁰ Iranian Press Review: Iran Changes Tactics in Syria to Counter Israel // Middle East Eye. – 04.06.2020. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iranian-press-review-iran-changes-tactics-syria-counter-israel> (дата обращения: 08.06.2023).

⁵¹ Фатимион – армия праведных бойцов-защитников (исламских) святынь = Фатамун; лошкар-е сардаран-е биэдэа-ье модафэ-ье харам // Mashreghnews. – 27.12.2015. – Персид. яз. – URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/514104> (дата обращения: 12.08.2023).

⁵² Wigger L. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation // Magazine.zenith. – 26.09.2019. – URL: <https://magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia/> (дата обращения: 25.09.2022).

⁵³ Jones S.G. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities // Center for Strategic & International Studies (CSIS). – 06.01.2020. – URL: <https://www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-irans-power-and-exploiting-its-vulnerabilities> (дата обращения: 15.08.2023).

данию 4 и 5-го корпусов САА, в состав которых были впоследствии интегрированы шиитские милиции⁵⁴.

На рубеже 2021–2022 гг. по мере ослабления накала вооруженной борьбы и изменения баланса сил в пользу Б. аль-Асада, режим провел ряд масштабных перестановок в рядах офицерского корпуса, чтобы упрочить его персональную лояльность аль-Асаду и инкорпорировал в регулярную армию около 25% проиранских милиций из МСО. Ранее Б. аль-Асад отказался от идеи роспуска многочисленных шиитских милиций, опасаясь возможного мятежа, и избрал стратегию их постепенного «растворения» в составе национальных вооруженных сил. Советники из КСИР и «Хизбаллы» оказали сирийскому режиму помочь в развитии тренировочных программ для подготовки офицеров спецподразделений ССА.

Несмотря на снижение уровня вооруженной конфронтации, Иран не только не сократил свое военное присутствие в САР, а, наоборот⁵⁵, увеличил численность шиитских вооруженных формирований⁵⁵. Включение милиционных формирований в состав САА обеспечило Тегерану многоуровневое и долговременное влияние в Сирии. Несмотря на различия в идеологии, этническом происхождении, степени лояльности Ирану, шиитские милиции являлись надежным союзником Ирана в САР. С их помощью Иран сумел установить прямой контроль над рядом подразделений САА и влиять на их стратегический выбор. Вооруженное участие Ирана в сирийском конфликте знаменовало коренной поворот в конфессиональной политике Тегерана на Ближнем Востоке. Иран продолжил поддержку небольших милиций, одновременно делая ставку на полугосударственные формирования.

Новая стратегия Ирана оказала влияние на государственные институты Сирии. С учетом конфессиональных предпочтений и политических целей шиитских милиций, их интеграция в состав регулярных частей меняла идеологическую основу индоктринации сирийских военных. Офицеры шиитских бригад аль-Фатимион и аль-Зейнобион публично заявляли о примате своей пре-

⁵⁴ Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). – Москва: ИВ РАН, 2022. – С. 154–176.

⁵⁵ Jamal A.S. Mission Accomplished? What's Next for Iran's Afghan Fighters in Syria // War on the Rocks. – 13.02.2018. – URL: <https://warontherocks.com/2018/02/mission-accomplished-whats-next-irans-afghanfighters-syria/> (дата обращения: 23.07.2023).

данности «велят-е факих» по сравнению с властями Дамаска⁵⁶. Данное обстоятельство делало проблематичным создание в Сирии инклузивного правительства и достижение национального согласия в обществе. С другой стороны, иранское влияние в САР зависело от аль-Асада и верных Ирану представителей в правящей элите. Позиции Ирана в Сирии могли быть серьезно поколеблены в условиях политического транзита власти и отстранения от механизма принятия решений проиранских сил, их замены на сторонников России. Начиная с 2020 г. проиранские милиции стремились сбалансировать влияние российских военных, а также сдерживали присутствие США и Турции в различных районах САР⁵⁷.

Укрепление иранских позиций в САР оказало неоднозначное влияние на характер взаимоотношений ИРИ с крупными региональными и мировыми игроками на поле сирийского конфликта. Атаки проиранских милиций на израильские и американские объекты привели к обострению ирано-израильского и ирано-американского противостояния в регионе. Данный факт ярко проявился в 2021–2022 гг. после массированных бомбардировок израильской авиации военных объектов ИРИ⁵⁸. Война разведок и диверсионных подразделений Тель-Авива и Ирана вышла за пределы Леванта, охватив другие страны Ближнего Востока и Кавказского региона. Весной-осенью 2023 г. шиитские милиции нанесли ракетно-артиллерийские удары по израильским поселениям в Палестине и американским военным целям в САР. Вооруженный конфликт между Тель-Авивом и Тегераном вошел в критическую fazu⁵⁹.

⁵⁶ Ширази А. Мученики отдали свои жизни, чтобы защитить власть велаят-е факих = Shuhada berae defa'e az haram wlaat jan khwad rafda krdand // IRNA. – 12.01.2019. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/83168070> (дата обращения: 12.06.2023).

⁵⁷ Нааме А. После Имам аль-Али Иран строит вторую базу к востоку от Дейр аль-Зора в Сирии = Бада аль имаи али иран табни каида сания шарк дейр аз зор фи сурья // Arabi21. – 28.10.2021. – Араб. яз. – URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (дата обращения: 24.11.2021).

⁵⁸ Абу Зухри А. Иран, Ливан, Газа и возможная война Израиля = Иран ва любнан ва китаа газа ва харб исраиль аль мухтамалия // Palltimeps. – 04.03.2023. – Араб. яз. – URL: <https://palltimeps.ps/post/354610/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵⁹ Подробнее о ирано-израильском противостоянии в САР см.: Ахмедов В.М. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии // Пути к

Испытание Газой

В первой декаде октября 2023 г. ХАМАС атаковал Израиль⁶⁰. Первая реакция Тегерана проявилась в стремлении дистанцироваться от действий ХАМАС. Иран опасался возможной реакции США по аналогии с терактами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Вне зависимости от желания Тегерана действия «Оси исламского сопротивления» превращали Исламскую Республику в активного участника конфликта.

В ответ на призывы командира бригад «аль-Кассам» М. Дейфа к силам «Исламского Сопротивления» поддержать ХАМАС в борьбе с Израилем представители крупнейших шиитских милиций Ирака и Сирии заявили, что защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада и Дамаска⁶¹. Они атаковали американских военных в Ираке и Сирии, нанесли удары по израильским поселениям на севере Палестины. Вскоре Иран был вынужден пересмотреть свою позицию. Тегеран оказал военную и политическую поддержку силам Исламского сопротивления (ИС) в Газе и на юге Ливана. Шиитские милиции укрепили позиции на юге и востоке САР. По соображениям безопасности КСИР и «Хизбалла» передислоцировали свои штабы в новые кварталы престижных пригородов Дамаска. Шиитские милиции, наоборот, усилили присутствие в густонаселенных районах старого Дамаска и его ближайших пригородов⁶².

миру и безопасности. – 2023. – № 1 (64). – С. 147–166. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.

⁶⁰ Аль-Амин И. Батальоны «аль-Кассам» ждут наземную операцию, «Хизболла» отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израиля против Газы, а «ось сопротивления» в полной готовности = Катаиб аль кассам тантазир аль хужум аль баррий ва хизбалла ярфуду тахгир аль муадалят: амрика такуд аль харб аль исраилий дыда газа ва михвар аль мукаввама фи истнфар // Al-Akhbar. – 11.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://al-akhbar.com/Palestine/370996> (дата обращения: 15.11.2023).

⁶¹ Мармаль И. Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван» = Халь туудир аль авамир ли кувват аль радван? // Aljoumhouriya. – 13.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoumhouriya.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023).

⁶² Укрытия КСИР в престижных кварталах Дамаска – легкая цель для Израиля = Махабия аль харас аль саурий фи ахъя димашк аль хасина хадф сахль

Иран диверсифицировал пути и средства доставки оружия в Ливан и Газу и заявил о поставке САА системы ПВО типа «Хардад-15». В ответ Израиль нанес десятки ударов по иранским целям в Сирии. С января 2024 г. Израиль трижды атаковал Дамаск, Алеппо и Хомс. Целью этих ударов стали склады оружия, боеприпасов, позиции шиитских милиций. Эскалация конфликта меняла характер войны. В результате успешной работы МОССАД Израиль ликвидировал в декабре 2023 – январе 2024 гг. представителей КСИР и «аль-Кодс» в САР (Р. Мусави)⁶³, командира бригад «аль-Радван» (спецподразделение «Хизбаллы») В. Тавиля (Хадж Джавада) на юге Ливана, военного лидера ХАМАС С. аль-Арури в южных пригородах Бейрута⁶⁴. Израилю не удалось сократить иранское присутствие в САР и парализовать действия милиций. Ирано-израильское противоборство приняло новые формы и распространялось на другие страны региона.

Активизация джихадистских сил в регионе на фоне войны в Газе была чревата угрозой межгосударственных конфликтов на Ближнем Востоке. Обмен ракетными ударами между Ираном и Пакистаном, воздушные атаки Ирана, Израиля, США по целям в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене под предлогом «зачистки» джихадистов, свидетельствовали, что регион находится на грани крупномасштабной катастрофы.

Сегодня кризисная политика ИРИ в арабских странах решает несколько стратегических задач. С помощью «Хизбаллы» Иран укрепляет контроль над территорией Ливана и Сирии и одновременно стремится сохранить нормальные отношения с Саудовской Аравией, чтобы предотвратить распространение войны на юге Ливана и отработать возможные сценарии перемирия в Газе. Тегеран разработал дорожную карту урегулирования ситуации в Красном

ли израиль // Asharq Al-Awsat. – 21.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://aawsat.com/4869471> (дата обращения: 27.02.2024).

⁶³ Иса Т. Ни мира в Газе, ни войны в Ливане = Ля салям фи газа ва ля харб фи любнан // Aljoumhuria. – 05.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoumhuria.com/ar/news/706996> (дата обращения: 19.01.2024).

⁶⁴ Радия С. После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу = Баада ихтииль аль арури ва тавиль халь хизб алла мухтарак истихиаратийн // Anadolu Agency. – 09.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/ar/3103482/> (дата обращения: 12.01.2024).

море и наладил отношения с военным командованием Судана, стремясь взять под контроль порт Судан⁶⁵.

После ракетно-артиллерийских ударов Ирана и шиитских милиций по американской базе на границе с Иорданией и Иракскому Курдистану ситуация в этом районе остается по-прежнему тяжелой. Визит командующего силами «аль-Кодс» Э. Каани в Ирак способствовал прекращению атак на американские объекты в Ираке. Тегеран опасается, что гибель американских военных может побудить США усилить атаки на командиров милиций и даже нанести удар по Ирану. Иран стремится ликвидировать лидеров курдских вооруженных формирований, связанных с М. Барзани и ДПК. Курдские отряды – единственная неподконтрольная Ирану сила в Ираке, которая блокирует доступ шиитских милиций к нефтяным полям в этих районах⁶⁶.

В Ливане сохраняется вероятность открытия второго фронта. С одной стороны, Б. Нетаньяху неспособен сегодня начать в одностороннем порядке войну в Ливане. С другой, США не могут гарантированно сдержать израильского премьера, в случае если АОИ сможет разбить силы ХАМАС в районе КПП РАФАХ. Власти Ливана не контролируют «Хизбаллу», которая в случае провала миссии Б. Нетаньяху в Газе может инициировать ракетные удары по израильским поселениям Северной Галилеи с территории юга Ливана, чтобы не допустить ликвидации военного крыла ХАМАС в Газе⁶⁷.

Пока Израиль, США и Иран предпочитают тактику активного сдерживания, нежели открытых военных действий. «Хиз-

⁶⁵ Рейхан И. Абделахъян в интервью аль-Асас: мы ведем переговоры с Эр-Риядом чтобы остановить войну в Газе = Абд аль лахъян ли асас наташавар маа аль рияд ли вакф аль харб фи газа // Asasmedia. – 15.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.asasmedia.com/59824> (дата обращения: 26.02.2024).

⁶⁶ Иран держит Эрбиль на прицеле чтобы ослабить власть Барзани, который бросает вызов (иранскому) влиянию = Иран тастахдив ирбиль ли идаъаф султа барзани альялти ттахадда нуфузуха // Аль-Араб. – 18.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 25.02.2024).

⁶⁷ Аль-Рабиа Мунир. Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные действия = Манъя исраиль мин аль интисар халь яфруд харбан истибакийян // Almodon. – 19.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.almodon.com/politics/2024/2/19/> (дата обращения: 27.02.2024).

балла» вряд ли примет самостоятельное решение о войне с Израилем без согласия Тегерана. Несмотря на союзнические отношения Израиля и США, Тель-Авиву вряд ли удастся втянуть Вашингтон в войну с Ираном на Ближнем Востоке. В отсутствие ядерной дипломатии и эскалации ближневосточного конфликта налаживание каналов связи с Ираном могло бы иметь решающее значение в процессе управления кризисом.

* * *

В последние десятилетия характер наиболее острых конфликтов и основные параметры их урегулирования в немалой степени определялись динамикой арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Сирийский кризис придал новые измерения сирийско-иранским отношениям. Появившиеся в 2023 г. позитивные признаки в развитии региональной ситуации не гарантируют устойчивую нормализацию в отношениях Ирана с арабскими странами. Арабские партнеры Сирии в Персидском заливе, прежде всего Саудовская Аравия, были обескуражены майскими торжествами в 2023 г. в Дамаске по случаю визита в Сирию иранского президента Э. Раиси. После «дипломатии катастроф» (февраль)⁶⁸, восстановления КСА отношений с Ираном (март) и Сирией (апрель), разноформатных арабских встреч по Сирии в Эр-Рияде и Джидде (апрель), консолидированного арабского решения о возвращении САР в ЛАГ (май) иранский президент, игнорируя саудовское приглашение, приехал в Дамаск.

Распространение войны в Газе на другие ближневосточные государства вызвало отрицательное отношение в политических кругах арабских стран. Многие арабские политики считали, что Иран использует арабские страны в качестве полигона для решения своей стратегической задачи – вывода американских войск из Ирака и Сирии. Подобные настроения могут привести к новому обострению арабо-иранского соперничества. Напряженность в арабо-иранских отношениях, эскалация вооруженного конфликта между Израилем и силами «Исламского Сопротивления» в лице

⁶⁸ Арабская гуманитарная помощь Сирии после землетрясения 6 февраля 2023 года.

ХАМАС и «Хизбаллы» тормозят процессы сирийской нормализации. Отсутствие внутриполитической устойчивости в Сирийской Арабской Республике чревато дестабилизацией обстановки в других странах Ближнего Востока.

В перспективе политика Ирана на Ближнем Востоке будет во многом определяться характером эволюции сирийско-иранских и арабо-иранских отношений, развитием политических систем этих стран, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Заметное влияние на региональную политику Ирана будет оказывать и политика мировых держав на Ближнем Востоке. От того, удастся ли в ближайшие месяцы договориться Вашингтону и Тегерану, будет зависеть развитие ситуации в палестино-израильском конфликте и перспектива «Большой войны» на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Аи-Наубахти Х.М. Шиитские секты / пер. с арабского, исслед. и комментарии С.М. Прозорова. – Москва: Наука, 1973. – С. 44–46.
2. Арабаджян А.З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). – Москва: Наука, 1991. – 125 с.
3. Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – 374 с.
4. Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка // Политическая элита Ближнего Востока. – Москва: ИИИиБВ, 2000. – С. 18–25.
5. Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). – Москва: ИВ РАН, 2022. – С. 154–176.
6. Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. – Москва: Ключ-С, 2010. – С. 152–173.
7. Ахмедов В.М. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 1 (64). – С. 147–166. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.
8. Ахмедов В.М. Эволюция конфессиональной карты Сирии // Институт Ближнего Востока. – 02.04.2018. – URL: <http://www.iiimes.ru/?p=43139> (дата обращения: 21.09.2023).

9. Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – 208 с.
10. Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.
11. Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 225 с.
12. Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 169–189. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189.
13. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 88–97.
14. Мамедова Н.М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 324 с.
15. Матвеев И.А. Политэкономия Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 392 с.
16. Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.
17. Мелкумян Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 317 с.
18. Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан): сборник статей. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 552 с.
19. Пир-Будагова Э.П., Ахмедов В.М. Сирия // История Востока в новейший период (1945–2000 гг.) / ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – Москва: Вост. лит., 2008. – С. 196–205.
20. Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/231306602016164616627.
21. Akhmedov V.M. The Syrian Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition / ed. by Goldstone J.A. et al. – Heidelberg: Springer Nature Switzerland, 2022. – P. 19–45.
22. Al-Duri A.A. Arab-Iranian relations: Historical Background // Arab-Iranian relations / ed. by Khair El-Din Haseeb. – Beirut: British Academic Press, 1998. – P. 3–18.

23. Al-Youssef A. Enemies become allies. Alawites take on the unlikely Saudi-Syrian rapprochement // Raseef22. – 05.06.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093522-enemies-become-allies-alawites-take-on-the-unlikely-saudi-syrian-rapprochement> (дата обращения: 15.09.2023).
24. Dawisha A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy // Beyond Coercion: The Durability of the Arab State / ed. by Dawisha A., Zartman I.W. – London: Croom Helm, 1988. – P. 260–275.
25. Dessouki A.E.H. Dilemmas of Security and Development in the Arab World: Aspects of Linkage // The Many Faces of National Security in the Arab World / ed. by Korany B., Noble P., Brynen R. – New York: Macmillan, 1993. – P. 76–90.
26. Enayat H. Iran and the Arabs // Arab Nationalism and a Wider World / ed. by Haim S. – New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971. – P. 17–52.
27. Espozito J., Piscatory J. The Iranian Revolution: Its Global Impact. – Gainsville, Fla.: Florida International University Press, 1990. – P. 1–16.
28. Hamidreza A. Convergence and Continuity – Iran's Regional Policy under the Raisi Presidency // Friedrich Ebert Stiftung (FES). – 24.06.2021. – URL: <https://www.fes.de/en/referat-naher-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iranelections/konvergenz-und-kontinuitaet-irans-regionalpolitik-unter-praesident-raissi> (дата обращения: 25.03.2023).
29. Hatem A. The Alawites: Religion, marginalization, and militarization conspire against them // Raseef22. – 26.05.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093385-the-alawites-religion-marginalization-and-militarization-conspire-against-them/> (дата обращения: 27.05.2023).
30. Holsti K.J. Why Nations Realign: Foreign Policy restructuring in the Postwar World. – London: Allen&Unwin, 1982. – 238 р.
31. Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. – Cambridge: Cambridge University Press, 1966. – P. 99–102.
32. Hunter S.T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance // Iran and the Arab World / ed. by Amirahmadi H., Entessar N. – New York: St. Martin's Press, 1996. – P. 198–216.
33. Hunter S.T. Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran // The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. ACMCU Occasional Paper. – 09.07.2014. – URL: https://issuu.com/georgetownsfss/docs/shireen_hunter_iran_islam_and_th (дата обращения: 05.12.2020).

34. Iranian Press Review: Iran Changes Tactics in Syria to Counter Israel // Middle East Eye. – 04.06.2020. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iranian-press-review-iran-changes-tactics-syria-counter-israel> (дата обращения: 08.06.2023).
35. Jamal A.S. Mission Accomplished? What's Next for Iran's Afghan Fighters in Syria // War on the Rocks. – 13.02.2018. – URL: <https://warontherocks.com/2018/02/mission-accomplished-whats-next-irans-afghanfighters-syria/> (дата обращения: 23.07.2023).
36. Jones S.G. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities // Center for Strategic & International Studies (CSIS). – 06.01.2020. – URL: <https://www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-irans-power-and-exploiting-its-vulnerabilities> (дата обращения: 15.08.2023).
37. Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. – 1994. – № 2. – P. 45–55.
38. Light M. Foreign Policy Analysis // Contemporary International Relations. A Guide / ed. by Groom A.J.R. and Light M. – London: Print Publishers, 1994. – P. 93–99.
39. Maoz M. Hafiz al-Assad: A Political Profile // Jerusalem Quarterly. – 1978. – № 8. – P. 16–31.
40. Pipes D. Greater Syria: The History of an Ambitions. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 115–193.
41. Ramazani R.K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. – 400 p.
42. Ramazani R.K. Iran's Export of the Revolution: Its Politics, Ends and Means // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies 13. – 1989. – № 1&2. – P. 69–87.
43. Saban N. Fact box: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. – 05.11.2020. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menashow/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/> (дата обращения: 05.05.2023).
44. Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 580 p.
45. Snyder G. The Security Dilemma in Alliance Politics // World Politics. – 1984. – № 36. – P. 461–495.
46. Walt S.M. International relations; One World, Many Theories // Foreign Policy. – 1998. – № 110. – P. 29–46.
47. Waltz K. Theory of International Politics. – MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
48. Wigger L. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation // Magazine.zenith. – 26.09.2019. – URL: <https://magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia/> (дата обращения: 25.09.2022).

49. Абу Зухри А. Иран, Ливан, Газа и возможная война Израиля = Иран ва любнан ва китаа газа ва харб исраиль аль муҳтамаля // Palltimeps. – 04.03.2023. – Араб. яз. – URL: <https://palltimeps.ps/post/354610/> (дата обращения: 20.03.2023).
50. Аль-Амин И. Батальоны «аль-Кассам» ждут наземную операцию, «Хизбалла» отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израиля против Газы, а «ось сопротивления» в полной готовности = Катаиб аль кассам тантазир аль хужум аль баррий ва хизбалла ярфуду тахгир аль муадалят: амрика такуд аль харб аль исраилий дыда газа ва михвар аль мукаввама фи истинфар // Al-Akhbar. – 11.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://al-akhbar.com/Palestine/370996> (дата обращения: 15.11.2023).
51. Аль-Рабиа Мунир. Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные действия = Манъа исраиль мин аль интисар халь яфруд харбан истибакийян // Almodon. – 19.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.almodon.com/politics/2024/2/19/> (дата обращения: 27.02.2024).
52. Иран держит Эрбиль на прицеле чтобы ослабить власть Барзани, который бросает вызов (иранскому) влиянию = Иран тастахдив ирбиль ли идааф султа барзани альяти ттахадда нуфузуха // Аль-Араб. – 18.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 25.02.2024).
53. Иса Т. Ни мира в Газе, ни войны в Ливане = Ля салям фи газа ва ля харб фи любнан // Aljoumhuria. – 05.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoumhuria.com/ar/news/706996> (дата обращения: 19.01.2024).
54. Мармаль И. Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван» = Халь туудир аль авамир ли кувват аль радван? // Aljoumhuria. – 13.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoumhuria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023).
55. Нааме А. После Имам аль-Али Иран строит вторую базу к востоку от Дейр аль-Зора в Сирии = Бада аль имаи али иран табни каида сания шарк дейр ез зор фи сирия // Arabi21. – 28.10.2021. – Араб. яз. – URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (дата обращения: 24.11.2021).
56. Радия С. После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хизбаллу = Баада ихтияль аль арури ва тавиль халь хизб алла муҳтарақ истихбаратийян // Anadolu Agency. – 09.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/ar/3103482/> (дата обращения: 12.01.2024).
57. Рейхан И. Абделахьян в интервью аль-Асас: мы ведем переговоры с Эр-Риядом чтобы остановить войну в Газе = Абд аль лахьян ли асас наташавар мaa аль рияд ли вакф аль харб фи газа // Asasmedia. – 15.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.asasmedia.com/59824> (дата обращения: 26.02.2024).

58. Укрытия КСИР в престижных кварталах Дамаска – легкая цель для Израиля = Махабия аль харас аль саурый фи ахъя димашк аль хасина хадф сахль ли исраиль // Asharq Al-Awsat. – 21.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://aawsat.com/4869471> (дата обращения: 27.02.2024).
59. Детали операции КСИР на западных границах Ирана = Joz'eaat-e razmash-e sepeh-e pasdaran dar merzha-ye gharbi-ye keshwar // Tasnim. – 24.09.2017. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.09.2023).
60. Машай Б. Раскрывая роль Ахмединежада в приведении системы к революционным условиям в 1978 = Пардебардари-йе мешаи аз ма'мурӣат-е Ахмединежад: расандан-е незам бе шарайет-е энгалаби сал-е 57 // Tabnak. – 20.01.2018. – Персид. яз. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/766109> (дата обращения: 13.08.2023).
61. Фатимион – армия праведных бойцов-защитников (исламских) святынь = Фатамун; лошкар-е сардаран-е биэдэа-йе модафэ-йе харам // Mashreghnews. – 27.12.2015. – Персид. яз. – URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/514104> (дата обращения: 12.08.2023).
62. Ширази А. Мученики отдали свои жизни, чтобы защитить власть велаят-е факих = Shuhada berae defa'e az haram wlaat jan khwad rafda krdand // IRNA. – 12.01.2019. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/83168070> (дата обращения: 12.06.2023).